

ТРАДИЦИИ А.И. КУПРИНА В РАССКАЗЕ А. И. НЕСМЕЛОВА “БОГОИСКАТЕЛЬ”

© 2007 Т.Ф. Ускова

Воронежский государственный университет

Николка. Ты скажи, что там под Трактиром делается?
Мышлаевский. Метель под Трактиром...
Алексей. Зачем же, не понимаю, вас под Трактир понесло?
Мышлаевский. А мужички там эти под Трактиром. Вот
эти самые милые мужички-богоносцы из сочинений Льва
Толстого!
Николка. Да неужели! А в газетах пишут, что мужики на
стороне гетмана...

М. Булгаков. “Дни Турбиных”.

Арсений Несмелов (А. И. Митропольский) приобретает в настоящее время известность как один из ведущих поэтов “русского Харбина”. Гораздо менее, чем стихи, известна его проза. Можно сказать, что серьезному анализу она почти не подвергалась, в числе немногих удачных попыток — блестящее предисловие Е. В. Витковского к сборнику поэзии и прозы А. Несмелова “Без Москвы, без России”, соответствующая статья в книге В. В. Агеносова “Литература русского зарубежья” (1918–1996) и кандидатская диссертация Цзяо Чень “Русский литературный Харбин 1920–1930-х годов”, защищенная в Ивановском университете под руководством профессора В. П. Куприяновского.

Отчасти это можно объяснить малой доступностью прозаического материала: в 1987 году в издательстве “Антиквариат” (США) под редакцией и с комментариями Э. Штейна напечатана “Избранная проза” — шесть рассказов. У нас же в 1990 году в книге “Без Москвы, без России”, изданной “Московским рабочим”, опубликованы десять рассказов с комментариями Е. В. Витковского и А. В. Ревоненко. Однако, в отличие от стихов, и здесь проза Несмелова аналитически не рассматривалась. Исключение составляет рассказ “Маршал Свистунов”, который Е. В. Витковский определил как “типичный эмигрантский лубок на советскую тему” [1]. Еще один рассказ — “Сторублевка” — удалось отыскать в книге Е. П. Таскиной и Д. Г. Селькиной “Харбин. Ветка русского дере-

ва”, выпущенной в Новосибирске в 1991 году.

“Богоискатель” впервые был опубликован в сборнике А. И. Несмелова “Рассказы о войне” (Харбин, 1936). Уже в названии рассказа отчетливо проявляется интерес автора к религиозно-философской проблематике, характерной для русской классической литературы, а также литературы “рубежа веков” и первой четверти XX века. Онтологическая проблематика просматривается и в том концептуальном наборе имен-маркёров, которые предлагает Несмелов в начале рассказа:

— *Отвечай, Влас, кто ты есть?*

— *Я есть, ваше высокоблагородие, богоносец Тарского уезда Омской губернии, деревни Сухие Пеньки.*

— *Так! А что значит, что ты есть богоносец?*

— *Это значит, ваше высокоблагородие, что я есть зерно великого русского народа, который даст миру настоящего Бога.*

— *Кто так учил?*

— *Так учил штабс-капитан инженерных войск Федор Михайлович Достоевский. Сочинений их благородия я, по малограмотности, не читал, ваше высокоблагородие!*

— *Молодец!*

— *Рад стараться, ваше высокоблагородие!*
[1, 333]

С этого показательного диалога, собственно, и начинается завязка конфликта между основными действующими лицами — штабс-капитаном Ржешевским и его субалтерн-офицером подпоручиком Бубекиным. Для уяснения сути конфликта имена русских писателей и явлений социальной жизни складываются автором в определенный культурный дискурс: Ф. М. Достоевский (см. начало), Л. Н. Толстой (упоминание Платона Каратаева), А. П. Чехов, Д. С. Мережковский, Религиозно-философские собрания и, наконец, А. И. Куприн, к которому А. И. Несмелов относился с подчеркнутым пиететом. Это объяснимо и биографически — А. Несмелов закончил тот же военный корпус в Москве, что и А. И. Куприн,

и “литературно” – проблематика творчества Куприна, автора “Кадетов”, “Юнкеров” и “Поединка”, была близка бывшему офицеру Митропольскому.

Латентная апелляция к роману А. И. Куприна “Поединок” присутствует уже в начале рассказа “Богоискатель”. Та “словесность”, которой учит Ржешевский своего денщика Власа, прямо корреспондирует к началу романа Куприна: «*В полку между офицерами была распространена довольно наивная... игра: обучать денщиков разным диковинным, необыкновенным вещам. Подпоручик Епифанов любил задавать своему денщику мудреные, пожалуй, вряд ли ему самому понятные вопросы. “Какого ты мнения, друг мой, – спрашивал он, – о реставрации монархического начала в современной Франции?” И денщик, не моргнув, отвечал: “Точно так, ваше благородие, это выходит очень хорошо”. Поручик Бобетинский учил денщика катехизису, и тот без запинки отвечал на самые удивительные, оторванные от всего вопросы: “Почему сие важно в-третьих?” – “Сие в-третьих не важно”, или: “Какого мнения о сем святая церковь?” – “Святая церковь о сем умалчивает”. У него же денщик декламировал с нелепыми трагическими жестами монолог Пимена из “Бориса Годунова”. Распространена была также манера заставляя денщиков говорить по-французски: бонжур, мусьё; бони нюит, мусьё; вуле ву дю те, мусьё, – и все в том же роде, что придумывалось, как оттяжка, от скуки, от узости замкнутой жизни, от отсутствия других интересов, кроме служебных» [2, 23].*

Внешнее сходство с купринским текстом усиливается упоминанием о неудачном экзамене в военную академию, о котором говорит штабс-капитан Ржешевский.

Разговор между Ржешевским и Бубекиным касается одного из самых важных вопросов русской общественной жизни – вопроса о месте образованных людей, интеллигенции, в русской истории, о ее роли в социальной жизни и на войне. Ржешевский сильно раздражен, он горячится и часто делает жесткие, а порой и несправедливые, выводы: “*Вот вы восхищаетесь разными там Платонами Каратаевыми, а нынешние Каратаевы – вон они!.. Ведь они до сих пор еще не делают разницы между полом и писсуаром. Зайдите в уборную любого вагона третьего класса и вы убедитесь в этом. А как они злы, тупы, ужасны... Вы думаете, что наш современный землячок-Каратаев не прикалывал раненых? Не обирают их, даже своих, наши санитары? Я застрелил одного...*” [3, 340]. Бубекин старается не поддаваться раздражению, он не хочет ссоры с человеком, с которым вынужден делить землянку, и объясняет себе горячность Ржешевского лишь тем, что “*капитан*

бранит интеллигенцию потому только, что сам всего-навсего – неудавшийся интеллигент; господин, провалившийся на экзамене в какую-то там академию и на всю жизнь этим обстоятельством уязвленный” [3, 340]. На этом уровне позиция Бубекина кажется более гуманной, тем более что младший офицер в силу своего характера и служебного положения находится ближе к солдатам, лучше знает их и по-человечески жалеет, видя их тяжелый окопный быт: «*Месяцами – мокрая одежда, мокрая обувь, вещевой мешок под голову, твердая от грязи шинель вместо одеяла. И так год за годом – третий год.*

“*Герои? – думал Бубекин, обходя землянки своей полуроты. – Нет, скорее мученики...*” [3, 340]. От природы незлой Бубекин не понимает внутреннего раздражения Ржешевского, он размышляет о том, “*откуда у его ротного эта странная, позорная даже, озлобленность против несчастных, горемычных наших солдат. И не находил субалтерн ответа, не понимал своего начальника*” [3, 341].

Ситуация становится ясней, когда социально-политическая проблематика спора выходит на онтологический уровень – Ржешевский поднимает вопрос о вере и Боге. Причем ничего теоретически нового в спор офицеров автор не привносит – принципиально новой является та психологическая реакция, которой сопровождается этот процесс. Вопрос о вере для капитана чрезвычайно важен, Ржешевский искренне хочет понять своего субалтерна:

– *Вы перед боем креститесь? – спросил он однажды вечером Бубекина, поворачивая к нему свое длинноносое, узкое, совсем птичье лицо, красновато освещенное с одной стороны керосиновой лампочкой. – Осеняете себя крестным знаменем перед атакой, скажем?*

– *Нет, – ответил валявшийся на койке Бубекин.*

– *Поборол в себе это?*

– *Да нет же! – позевывал (выделено мной. – Т.У.) субалтерн. – Ничего и побороть мне не пришлось. Я же вам говорил уже, что я равнодушен к вере. Не чувствую потребности”* [3, 341].

И это не бахвальство совсем молодого человека – Бубекин действительно не имеет этой “потребности”! На наш взгляд, именно здесь А. Несмелов привлекает внимание читателя к очень важной проблематике, уже не столь, может быть, очевидной с началом Первой мировой войны, но обострившейся к началу революции 1917 года – к проблематике “если Бога нет – значит, все позволено”, к проблематике Ф. М. Достоевского (недаром его имя звучит в начале рассказа). Как человек, прошедший Мировую и гражданскую войны, А. И. Несмелов показывает, насколько изменился социальный «фенотип» и

русского человека, и русского офицера. Бубекин уже не купринский Ромашов, внешне смешной и слабый, но внутренне честный и сильный. Бубекин, по наблюдению автора, научился легко “договариваться” сам с собой, уходя от “ненужных”, как ему кажется, размышлений и вопросов. И “социалистическая” реплика Бубекина *“а если его (меч) вам всунули в руку?”* [3, 341] – не более чем попытка переложить необходимость онтологического выбора на исторические обстоятельства, на социально-политические условия – самодержавие, любовь к родине, естественное желание выжить на войне... Несмелов, прошедший свой военный путь до конца, уже знает, что такие, как Бубекин, скоро сделают свой выбор, сумеют переступить и через присягу, и через веру, и даже через Бога.

Бубекин очень трезво воспринимает внешнюю, бытовую религиозность “нижних чинов”, естественно принимая желание людей хоть чем-то защититься от ежеминутно грозящей смерти: *“Креститесь себе на здоровье и перед боем, и после боя, и когда вам угодно, лишь бы помогало. В этом и весь резон веры.*

– Так, стало быть, по-вашему, религия нечто вроде успокоительных капель? – и Ржевский развел руками. – Уж это, знаете, хуже всякого атеизма!.. Вот я вам сейчас прочту, что по этому поводу пишет Мережковский” [3, 342]. Апелляцию капитана к имени Д. С. Мережковского Бубекин отклоняет, рассказывая пошлый анекдот и советуя командиру “не мудрствовать лукаво”. Ржевский очевидно смущен и возмущен снижением, профанацией важных для него вопросов: *“Он ничего не ответил, видимо, обиженный. Лишь одевшись и уже покидая землянку.. он проворчал злобно:*

– Во всем, что вы говорите, всегда ужасная самоуверенность. И тупость какая-то... семинарская...

– Не я затеваю эти разговоры! – озлился и Бубекин, тоже поднимаясь. – И если желаете знать, ваше философствование мне до чертиков надоело...” [3, 342].

В условиях “окопного существования” такое философствование не просто неактуально – оно становится опасным для дальнейшей жизни. Бубекину удалось, оставаясь неплохим, внимательным командиром для своих солдат, просто избавиться от “атавизма” веры – иначе ему не выжить, как показывает писатель, в грядущей революции и гражданской войне.

Капитан Ржевский, по мысли автора – обречен. В условиях упростившего все и вся XX века с его кровавым опытом он кажется старомодным, как показались бы старомодными в окопах Первой мировой войны кавалергарды и гу-

сары девятнадцатого века. Ржевский искренне пытается найти свою веру, мучительно взыскует ее, отрицает, ошибается – но, по крайней мере, он честен наедине с собой, а для Бубекина такая честность – уже роскошь, только мешающая реализации “потребностей”.

Во внутреннем “споре” офицеров концептуально значимым А. Несмелов делает эпизод с черемисом Мастудой и солдатом Парфеновым (думается, что столь экзотическую национальность этот персонаж получил не случайно – достаточно вспомнить ромашовского черемиса Гайнана из “Поединка”). Проходя мимо своей полуроты, Бубекин слышит шумный спор. Оказывается, что ефрейтор Парфенов продал подаренный образец Мастуде, а перед наступлением требует его обратно, вызывая порицание остальных солдат: *“он, ваше благородие, ни во что не верит, когда мы смирно стоим, гордится, стало быть, а как разговоры о наступлении пойдут, так и подавай ему образец. Обратно отбирает!”* [3, 350]. Бубекин старается разрешить конфликт, не затрагивая его нравственной составляющей, но это ему не удается – появляется Ржевский и наказывает провинившихся по всей строгости: *“Даже в темноте землянки было видно, как зло поблескивали глаза начальника.*

– Не взводная землянка, – ядовито обратился он к Бубекину, – а прямо собрание религиозно-философского общества!.. Ты, – рывком обратился он к Парфенову, – образками, богоносцем, торгуешь?” [3, 350].

Солдатам непонятна ярость Ржевского, его живая реакция на “упрощенное” отношение к религии. И не случайно здесь появление нового персонажа. Парфенов – еще один вариант “человека без веры”, но без внешнего обаяния Бубекина.

Поведение Ржевского заставляет подпоручика размышлять: *«“Ржевский завидует даже самому наивному проявлению веры... Ах, несчастный богоискатель!.. “Но неужели так больно без Бога? – с удивлением подумал он. – А я? Почему у меня нет ничего этого и мне оно совершенно не нужно?”»* [3, 351]. Именно “богоискательство” старшего товарища заставило Бубекина задуматься о важных вещах, о том, что казалось “невостребованным” в условиях военной жизни: *“Совсем на дне души, под пластами желаний, надежд, тоски, под ворохом всяческих знаний... лежало что-то большое и теплое, и именно оно-то, лишненное навязчивости, не лезшее в глаза, и делало все остальное живым и нужным. Ведь именно оно... наполняло душу Бубекина ласковой снисходительностью к людям, заставляя ее... в одинаковой мере жалеть и смешного солдата, и несчастного Ржевского. И не оно ли позволяло душе унижаться до трясуемого*

страха перед смертью, отрицало смерть, не верило в ее всемогущество? И это было Богом Живым” [3, 351].

Рассказ “Богоискатель” заканчивается гибелью штабс-капитана Ржещевского. Не найдя своего Бога, штабс-капитан стал сознательно искать смерти. И нашел ее от руки человека, которому Бог был абсолютно не нужен: «*в сырой яме... лежал Ржещевский. Угораздило же его выйти на наш секрет со стороны противника и не ответить на крупным шепотом просянное в ночь: “Кто идет?” А старшим секрета был ефрейтор Парфенов, слесарь с московского завода Бромлей. По уставчику действовал ефрейтор*» [3, 353].

Оставаясь в рамках традиционной военной прозы, обозначенной корпусом имен русских писателей XIX–XX веков, Арс. Несмелов в своих военных рассказах, опираясь на тексты А. И. Куп-

рина, по-новому решает проблемы, поставленные изменившимися условиями отечественной истории XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витковский Е. В. «На сопках Манчжурии»: Вступ. ст. // А. Несмелов Без Москвы, без России / А. Несмелов. – М.: Московский рабочий, 1990. – 453 с.

2. Куприн А. И. Поединок / А. И. Куприн. – М.: Учпедгиз, 1954. – 204 с.

3. Несмелов А. Без Москвы, без России / А. Несмелов. – М.: Московский рабочий, 1990. – 453 с.

Рецензент – Н. А. Молчанова.

Статья принята к печати 11.12.2006.